

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-101-110

ТВОРЧЕСТВО ПИСАТЕЛЬНИЦ В ОЦЕНКЕ АВТОРОВ УЧЕБНЫХ ИЗДАНИЙ ПО РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ 1820–1850 ГГ.

Пуряева Н. Н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская федерация*

Аннотация.

Цель. Цель данного исследования – обозначить позицию авторов учебных изданий по истории русской словесности в отношении русских писательниц.

Процедура и методы исследования. В статье рассматриваются учебники, хрестоматии и пособия по русской словесности 1820–1850 гг., упоминающие русских писательниц или включающие в себя тексты их произведений. Дается оценка творчества писательниц авторами учебной литературы первой половины XIX в., анализируется их отношение к теме женского творчества в целом.

Результаты. Делается вывод о том, что намечаются два подхода к восприятию творчества писательниц авторами учебной литературы: рассмотрение его как некоего самостоятельного явления, заслуживающего определённого снисхождения и поощрения (Галахов, Мизко); восприятие его как неотъемлемой части литературного процесса (Греч, Пенинский, Аскоченский, Зеленецкий).

Теоретическая и / или практическая значимость. В статье впервые предпринята попытка дать картину представленности творчества писательниц в учебных изданиях по истории русской словесности первой половины XIX в., а также проанализировать отношение авторов-составителей к проблеме женской литературы.

Ключевые слова: русские писательницы, женское творчество, словесность, учебники, хрестоматии, Бунина, Волконская, Ган, Галахов, Греч, Павлова, Ростопчина

RUSSIAN FEMALE WRITERS IN THE ASSESSMENT OF AUTHORS OF TEXTBOOKS IN RUSSIAN LITERATURE (1820–1850)

N. Puryaeva

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract.

The aim of this study is to outline the attitude of authors of textbooks, anthologies and manuals on Russian literature in relation to Russian female writers.

Methodology. The article discusses textbooks, anthologies and manuals on Russian literature (1820–1850) which mention female writers or include texts of their works.

Results. It is concluded that two approaches to the perception of the female writers' work can be outlined: considering it as a kind of separate phenomenon, which deserves condescension and encouragement (Galakhov, Mizko); its perception as an integral part of literary process (Grech, Peninsky, Askochensky, Zelenetsky).

Research implications. The article is the first attempt to give a picture of the representation of female writers in textbooks on the history of Russian literature, as well as to analyze the attitude of the authors to the problem of female literature.

Keywords: Russian female writers, textbooks, anthologies and manuals on Russian literature, Bunina, Volkonskaya, Gan, Galakhov, Gretch, Pavlova, Rostopchina

Введение

Курс словесности, впервые появившийся в учебных планах с конца XVIII в., за последующие пятьдесят лет претерпел значительные изменения. В течение долгого времени под этим названием велось изучение, прежде всего, риторики, которая со временем стала дополняться пиитикой и время от времени – церковнославянским языком [3, с. 123]. Соотношение данных компонентов (и количество выделяемых учебных часов) регламентировалось учебными планами. Так, по первому учебному плану для гимназий (1804), преподавание риторики велось только в старшем, 3 классе. Этот учебный план без существенных изменений просуществовал до 1828 г. и регулировал работу всех гимназий в империи, за исключением Петербургской. С. С. Уваров в бытность свою попечителем Санкт-Петербургского учебного округа ввёл в ней ряд новшеств, в частности, в 1811 г. в учебный план старшего класса Петербургской гимназии впервые в отечественной педагогике была добавлена словесность и её история. Спустя несколько лет на основе этого опыта был создан учебный план, введённый затем по всей стране реформой 1828 г. По нему в старшем классе вводилось преподавание пиитики с кратким разбором образцов, а также краткая история российской словесности.

Что касается содержательной стороны учебных программ, долгое время они представляли собой список отсылок к тому или иному учебнику, и лишь с 1840 г. в программах начали прописывать содержание учебного курса.

В свою очередь содержание учебников риторики (а затем словесности) 1800–1840 гг. сводилось к перечислению различных видов хриль и тропов с приложением образцов – отрывков из литературных произведений – которые учащиеся должны были научиться воссоздавать в ходе выполнения упражнений. Учебники эти, на усмотрение преподавателя, дополнялись хрестоматиями, которые полностью

состояли из фрагментов литературных произведений, расположенных по жанровому принципу (описание, повествование и т. п.) и не были снабжены ни историко-литературным комментарием, ни биографической информацией об авторе. Последнее, как и анализ произведения, полностью оставалось на усмотрение преподавателя. Главным критерием при отборе примеров из литературных произведений была именно их «образцовость», максимальное приближение к «идеалу». Понятие исторического процесса, хотя прямо не декларировалось, но де-факто учитывалось.

Нормативных документов, формулирующих задачи изучения словесности и регламентирующих перечень включаемых произведений, не существовало до начала 1850-х гг. Перелом в отношении к преподаванию словесности связан с появлением методического руководства «Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений» Я. И. Ростовцева (1849).

«Наставление...» ставило «родной язык» (курс русского языка в данном случае включал и русский язык, и литературу) вторым по важности после Закона Божия, т. е. закрепляло его статус как одного из важнейших предметов. Что касается словесности, теоретические понятия, лежавшие в основе курсов риторики и пиитики, теперь предполагалось рассматривать не как самодовлеющие явления, а как элементы изучаемых произведений. Таким образом, принципиально менялась идея курса, основой которого теперь должно было стать собственно литературное произведение. В этой связи особое значение придавалось отбору авторов: это должны быть только «двигатели словесности», из прочих же предлагалось «удержать только тех, произведения которых донныне могут служить образцами»¹. Причём основное

¹ Ростовцев Я. И. Наставление для образования воспитанников военно-учебных заведений: Высочайше утверждено 24 дек. 1848 г. СПб.: Тип. Воен.-учеб. заведений, 1849. XXIV. С. 34–35.

внимание должно было сосредоточиться на отечественной литературе.

«Наставление...», – по сути, первый пример осознания и попытки регламентировать воспитательный потенциал словесности.

Разработка подробных методических рекомендаций в русле «Наставления...» была поручена Ф. И. Буслаеву (раздел русского языка) и А. Н. Галахову (раздел словесности), результатом чего стал «Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях, составленный А. Галаховым и Ф. Буслаевым, на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений высочайше утверждённого 24-го декабря 1848 г.»¹. Он, по сути, реформировал принципы преподавания словесности, отодвигая риторiku и пиитику на второй план и постулируя важность изучения литературы как процесса, ценность эстетической стороны произведения, значимость изучения творчества писателя как некоей целостности, но самое главное, предлагал список авторов, рекомендованных к изучению. Писательниц в этом списке не было.

Итак, формально до 1852 г. (а фактически – до конца 1850-х гг.) отбор произведений в учебнике или хрестоматии определялся исключительно взглядами автора-составителя. В этом смысле он замечательно иллюстрирует процесс формирования канона литературной классики, активно проходившего как раз в 1830–1840 гг.

Русские писательницы упомянуты лишь в 4-х из порядка 35 учебных изданий (учебников по риторике и словесности, а также учебных хрестоматий) и в 3-х пособиях по истории отечественной литературы, созданных в 1800 – начале 1850-х гг. Причём наиболее интенсивно – в 1840–1850 гг.

Творчество писательниц в оценке авторов учебных изданий по русской словесности 1820–1850 гг.

Учебники словесности

Первым в школьную традицию писательниц ввёл Н. И. Греч в очерке по истории русской литературы в «Учебной книге российской словесности» (1820). В первом издании учебника в связи с литературной деятельностью он упоминает царевну Софью, Е. Р. Дашкову, А. П. Бунину.

В оценке царевны Софьи Греч прямо ссылается на статью Н. М. Карамзина в «Пантеоне российских авторов» и дословно приводит её текст. О Екатерине II говорит, что она много сделала для развития словесности, но не называет её в качестве писательницы. О Дашковой Греч пишет, что «науки и словесность были любимым её упражнением»², отмечает её участие в журналах «Невинное упражнение» (1765), «Собеседник любителей русского слова» (1783) и даже называет некоторые литературные сочинения: комедия «Тоисиоков» и драма «Свадьба Фабианова, или Алчность к богатству наказанная». Однако в целом, литературное творчество Дашковой упомянуто как одна из сфер её деятельности, далеко не самая главная.

Первой собственно писательницей Греч называет Бунину, которая, по его характеристике, «занимает отличное место в числе писателей и первое между писательницами России»³, а также приводит текст её стихотворения «Капризы не беда, твердит философ Сава...»⁴, иллюстрируя редкий в русском стихосложении жанр рондо.

Давая характеристику царевне Софье, Екатерине II и Дашковой, Греч, безусловно,

¹ Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях, составленный А. Галаховым и Ф. Буслаевым, на основании Наставления для образования воспитанников военно-учебных заведений высочайше утверждённого 24-го декабря 1848 г. СПб., 1852.

² Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. Ч. 1. СПб., 1819. С. 415.

³ Там же. С. 606.

⁴ Греч Н. И. Учебная книга российской словесности, или Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пиитики и истории российской словесности. Ч. 3. СПб., 1820. С. 257.

опирался на уже сложившуюся традицию, в частности, на Карамзина и Новикова¹. Выбирая из современных авторов Бунина, Греч ориентировался, прежде всего, на собственные вкус и взгляды.

Перечень писательниц значительно меняется в третьем издании (1844): статья о Буниной заметно сокращена², а о царевне Софье и Дашковой вовсе отсутствуют упоминания. Зато в «Обзрении истории русской литературы» добавлено упоминание о современных писательницах: «В числе дам-писательниц напомним графиню Ростопчину, сочинительницу повестей и лирических стихотворений; госпожу Жукову, написавшую прекрасные повести под именем “Вечера на Карповке”; госпожу Ган, недавно скончавшуюся, которой умные и преисполненные чувства повести изданы под именем Зенеиды Р-вой; Госпожу К., издавшую (под именем фан-Дима)³ роман “Два призрака”. Госпожа Дурова (Александров) умно и удачно описала похождения Девы-Кавалериста»⁴. Греч ограничивается лишь короткими характеристиками, однако в целом выбор имён отнюдь не случаен: за исключением Ган и Кологривовой все они в разное время появлялись на страницах журнала «Сын Отечества»⁵.

Таким образом, впервые вводя творчество писательниц в школьную традицию, Греч не заостряет на нём внимание как на некоем особом явлении. Рассматривая женское творчество в общем контексте литературы, он предлагает список из восьми заслуживающих внимания писательниц: царевна Софья, Дашкова, Бунина, Е. П. Ростопчина, М. С. Жукова, Е. А. Ган, Е. В. Кологривова, Н. А. Дурова, – при этом воспроизводит в хрестоматии художественный текст только одной из них – Буниной.

Ещё большее значение для закрепления произведений писательниц в школьном литературном каноне имела «Полная русская хрестоматия...» (1843) Галахова. Жанр хрестоматии не предусматривает трактовку произведения, тем не менее, Галахов нашёл способ отметить специфический характер творчества писательниц. Уже в первом издании он поместил статью А. В. Никитенко «О стихотворениях графини

отъезду Буниной на лечение в Англию стихотворения А. П. Степанова (Сын отечества. 1815, ч. 23, №32, с. 245) и Е. Н. Пучковой (Сын отечества. 1815, ч. 24, №33, с. 26). В 1820 г. вышла благожелательная рецензия В. К. Кюхельбекера на опубликованное в 1819 г. «Собрание стихотворений Анны Буниной». Примечательно, что её единственную среди писательниц Кюхельбекер упоминает пять лет спустя в полемической статье по поводу переводов русских стихотворений фон дер Боргом (Сын отечества. 1825, ч. 103, №17).

В «Сыне Отечества» вышло несколько произведений Ростопчиной: стихотворение «Бал» (Сын отечества. 1838, №2), повести «Чины и деньги» (Сын отечества. 1838, №1–2), «Поединок» (Сын отечества. 1838, №3–4). Затем были опубликованы рецензии на прозаический сборник «Очерки большого света, сочинение Ясновидающей» (СПб., 1838) (Сын отечества. 1838, №7) и сборник «Стихотворения» (СПб., 1841) (Сын отечества. 1841, кн. 2, №18. С. 201–205). Произведения М. С. Жуковой в журнале не печатались, однако в нём вышла рецензия на сборник повестей писательницы «Вечера на Карповке» (СПб., 1838) (Сын отечества. 1838, т. 4, отд. 4).

В 1838–1840 гг. в журнале было опубликовано три рецензии на произведения Н. А. Дуровой: роман «Год жизни в Петербурге, или невгоды третьего посещения» (СПб., 1838) (Сын отечества. 1838, т. 6, отд. 4); «Записки Александрова, добавление к девице-кавалеристу» (М., 1839) (Сын отечества. 1839, т. 8, отд. 4); сборник повестей «Клад» (СПб., 1840) (Сын отечества. 1840. Т. 5, с. 253–257).

¹ Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. 264 с. О писательницах в данном словаре см.: [2].

² Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики, и обозрение истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. 3-е изд., испр. и дополн. Ч. 4. СПб., 1844. С. 327.

³ Псевдоним Кологривовой не раскрыт.

⁴ Греч Н. И. Учебная книга русской словесности, или Избранные места из русских писателей в прозе и стихах, с присовокуплением правил риторики и пиитики, и обозрение истории русской литературы, изданные Николаем Гречем. 3-е изд., испр. и дополн. Ч. 4. СПб., 1844. С. 332.

⁵ Более всех это относится к А. П. Буниной: её патристическая заметка и ряд стихотворений были напечатаны в «Сыне Отечества» в 1813–1814 гг. (Сын отечества. 1813. Ч. 3, №2, с. 88–93; Ч. 4, №12, с. 299; 1814, ч. 13, №17, с. 185); в 1817 г. был опубликован её стихотворный перевод драмы С.-Ф. Жанлис «Агар в пустыне» (Сын отечества. 1817, ч. 40, №17, с. 170–186). В 1815 г. были опубликованы посвящён-

ни Ростопчиной»¹. Никитенко, безусловно, признаёт право женщины на творчество и осуждает скептиков: «Если она пишет, тем лучше: значит, она торжественно изъявляет своё уважение к делу, в котором призвана участвовать потребностями своего сердца и нуждами образованности»². Далее критик определяет специфику мужского и женского творческого начала: «В искусстве он (*мужчина*. – Н. П.) творец созданий возвышенных и строгих <...>; он должен всё понять, всё объяснить и высказать: для этого и дано уму его больше крепости, краскам больше яркости и сердцу менее чувства»³. В противоположность мужчине «женщина не пролагает путей ни в жизни, ни в искусстве: для этого не даровано ей того грубого могущества, которое сокрушает препятствия и прельщения <...> Она идёт во всём по следам мужчины, своего природного путеводителя и оберегателя, но она собирает на пути его то <...>, на что не мог обратить взгляда, видящего отдалённое и крупное, и не всегда способного рассмотреть близкое и мелкое... <...> Ея ум есть ум анализа в сфере сердца <...> В созданиях своих она более зависит от впечатлений, чем от свободных соображений ума; более изображает, чем творит, более одушевляет, чем обдумывает»⁴ <...> Эта особенность женского творческого начала задаёт жанры, в которых оно воплощается: «самые естественные формы её идей суть лирика и роман, так называемый нравоописательный, или лёгкая новелла»⁵, «поражать эффектами ужаса или грозного величия также не свойственно её природе»⁶. И, наконец, Никитенко высказывает идею о неотъемлемости женского творчества по

отношению к мужскому: «Ей именно принадлежит здесь то, чего не досказывает и не может досказать слово мужчины, и без её дополнительного слова речь художественная была бы не довершена»⁷.

Статья Никитенко сохраняется на протяжении пяти изданий (т. е. до 1853 г.) и, в сущности, служит программным заявлением, обосновывающим присутствие произведений писательниц в хрестоматии. С третьего издания (1846) тема женской литературы поддержана статьёй самого Галахова «Женщины – писательницы», помещённой в части III («Примечания») хрестоматии. Статья перепечатывалась в неизменном виде в четвёртом и пятом изданиях, в шестом (1853) – сокращена в четыре раза⁸, в том же виде напечатана в седьмом издании; начиная с восьмого издания (1859) отсутствует.

Статья воспроизводит основные положения касательно женской литературы в России, высказанные В. Г. Белинским в рецензии на вышедшие посмертно в 1843 г. «Сочинения Зенеиды Р-вой»⁹. Галахов ведёт отсчёт писательниц с Екатерины II и Дашковой, а всего, говоря о XVIII в., упоминает 23 дамы-писательницы и их основные произведения.

Рассматривая карамзинский период XIX в., Галахов приводит имена 24 писательниц, как наиболее значимых выделяет М. Е. Извекову, Бунину. Он отмечает, что если в XVIII в. дамы в основном занимались переводами, их оригинальное творчество начало развиваться в карамзинский период, а «с появлением Пушкина гораздо больше стало являться у нас женщин-авторов»¹⁰. При этом по мере развития отечественной литературы число писательниц, добивавшихся известности, уменьшалось: «В эпоху зарождающейся

¹ Впервые вышла в «Сыне отечества». 1841, №18, с. 201–205.

² Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1. СПб., 1843. 454 с. С. 327–328.

³ Там же. С. 328.

⁴ Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Ч. 1. СПб., 1843. С. 329.

⁵ Там же. С. 329.

⁶ Там же. С. 328.

⁷ Там же. С. 328.

⁸ Оставлены лишь имена писательниц, названия их произведений, и краткие характеристики творчества опущены.

⁹ См.: Отечественные записки. 1843. Т. XXXI, №11, отд. V. С. 1–24.

¹⁰ Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. 3-е изд., дополненное примечаниями. Ч. 3. СПб., 1849. 105 с. С. 52.

литературы нет разборчивости ни в степени талантов, ни в степени образования: писатели пользуются известностью без отношения к их внутреннему достоинству»¹.

Среди авторов пушкинского периода современной литературы Галахов отмечает 36 писательниц, включая десять «особенно замечательных»: З. А. Волконская, А. П. Глинка, М. Лисицына, А. И. Готовцева, Н. С. Теплова, Е. Б. Кульман, Е. А. Ган, Е. П. Ростопчина, М. С. Жукова, К. К. Павлова, – очень коротко характеризуя их творчество. О Волконской пишет, что «почётное имя в литературе» ей принесли «серьёзное образование и многосторонние познания»². Прежде всего образованность Галахов отмечает и в отношении Кульман, в частности, её знакомство с древнегреческой литературой. О Глинке говорит как об успешной переводчице с немецкого; о поэзии Лисицыной, Готовцевой и Тепловой вместе говорит как о передающей «искренние выражения непосредственного чувства женской души»³. Из общего ряда Галахов выделяет Ган, характерной чертой творчества которой называет «сильный талант, силу мысли, понимание действительной жизни, полноту чувства, энергическое, часто цветистое его выражение»⁴. Примечательно, что в хрестоматию её произведения Галахов ни разу не включает, видимо, поэтому приводя пространный фрагмент из её повести «Джеллаледин» в тексте своей статьи. О творчестве Жуковой и Павловой Галахов обещает сказать «при отрывках из их сочинений»⁵, однако не делает этого. Он упоминает также Сару Толстую и Елизавету Улыбышеву, произведения которых выходили на других языках, прежде всего французском⁶.

Таким образом, вслед за Белинским Галахов одним из первых делает попытку представить целостный обзор творчества

писательниц. Он задаёт историческую перспективу теме женского творчества [1; 2; 4; 5; 6] и подытоживает её выводом: «дамы наши давно уже приняли участие в литературе»⁷. Галахов существенно расширяет перечень имён значимых писательниц, доводя его до 83 персоналий. При этом в восьми изданиях хрестоматии, вышедших за 16 лет (1843–1859), помещены произведения в общей сложности восьми заметных современных писательниц: А. П. Глинка, З. А. Волконской, М. С. Жуковой, С. А. Закревской, А. О. Ишимовой, Е. В. Кологривовой, К. К. Павловой, Е. П. Ростопчиной.

Галахов включил произведения писательниц также в «Русскую хрестоматию для детей» (1843)⁸, однако характеристики их творчества не привёл. В семи изданиях хрестоматии помещены произведения А. О. Ишимовой, А. П. Зонтаг, Е. Ф. Тютчевой.

Никак не прокомментировано включение произведений писательниц в состав ещё одного учебного издания – «Книги для чтения и упражнений в языке, составленной для уездных училищ и нижних классов гимназий» (1846) И. С. Пенинского⁹. Хрестоматия включает в себя произведения Ишимовой, Зонтаг, Ростопчиной.

Можно констатировать, что по умолчанию Галахов и Пенинский в своих хрестоматиях для детей очерчивают круг детских писательниц – Ишимова, Зонтаг, Закревская, Тютчева.

Истории словесности

Особняком стоят учебные истории словесности. Они имели статус пособий и служили в основном как дополнительный материал для преподавателя, т. е. им был свойственен более узкий круг хождения. С другой стороны, авторы этих пособий могли позволить себе большую свободу

¹ Там же. С. 52.

² Там же. С. 52.

³ Там же. С. 52.

⁴ Галахов А. Д. Полная русская хрестоматия. 3-е изд., дополненное примечаниями. Ч. 3. СПб., 1849. С. 52.

⁵ Там же. С. 53.

⁶ Там же. С. 53.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Галахов А. Д. Русская хрестоматия для детей: Книга для чтения и практического изучения отечественного языка. М., 1843.

⁹ Пенинский И. С. Книга для чтения и упражнений в языке, составленная для уездных училищ и нижних классов гимназий. СПб., 1846. 255 с.

в выборе и интерпретации материала. Не последним фактором, видимо, было и место издания: все истории словесности, в которых отмечены писательницы и о которых пойдёт речь ниже, опубликованы не в столицах, а в других культурных и образовательных центрах – Киеве и Одессе.

Первой историей, упоминавшей женщин-писательниц, стала книга В. И. Аскоченского «Краткое начертание истории русской литературы» (1846).

В 156-страничном обзоре истории русской литературы, охватывающем период 20 веков, автор ограничивается в основном упоминанием имени писателя и его произведений, лишь изредка приводя характеристику творчества. Аскоченский отмечает четырёх писательниц: царица Софья, Екатерина II, Жукова, Ган.

Говоря о царице Софье, упоминает приписываемый ей перевод пьесы Мольера: «Явилась переводная мольерова комедия “Лекарь поневоле”, которая была разыграна самой переводчицей, царевною Софьею Алексеевною, при дворе, частным образом с благородными девицами и мужчинами»¹. О Екатерине II пишет как о «самой деятельной распространительнице просвещения»: «Поощряя учёных людей, она сама писала остроумные драмы для эрмитажного театра <...> в то же время она участвовала в периодических изданиях...»². Из писательниц-современниц отмечает только беллетристок, перечисляя их в пёстром ряду современных авторов: «Лучшими из современных нам писателей повестей, по справедливости, почитаются: А. С. Пушкин, Ушаков, князь Одоевский, Загоскин, Погодин, граф Соллогуб, Сенковский (писавший под псевдонимом Барона Бромбеуса и Тютюнджи-Оглу), Владиславлев, Панаев, г-жа Жукова, г-жа Ган (подписывавшаяся Зенеидою Р-вою), Квитка (известный под именем Основьяненки), Даль (то же что и казак Луганский)»³.

Чуть больше внимания творчеству писательниц уделено в двух других пособиях, вышедших в 1849 г. в Одессе.

Зеленецкий, будущий автор министерского учебника словесности, в своей книге «История русской литературы для учащихся» упоминает среди явившихся после Пушкина поэтов Ростопчину, помещая её в один ряд с Лермонтовым, Бенедиктовым и Вельтманом. При этом отмечает, что они «хотя далеко не достигли высоты Пушкина, но замечательны или по дарованию, или потому что отчасти сообщили нашей поэзии новые, разнообразные направления»⁴. О Ростопчиной пишет: «Графиня Е. П. Ростопчина известна значительным числом стихотворений и небольших повестей в стихах. Все они выражают чувствования исполненной поэтического призвания и образованной светской дамы. Притом мечтательное чувство по большей части переходит в них в размышление, иногда меланхолическое, но всегда проникнутое строгой думой. От этого и стих её, в иных стихотворениях шестистопный и пятистопный ямб, отличается медленностью, простотою, но, несмотря на это, строен и полон прелести»⁵. Зеленецкий упоминает также Павлову, пользующуюся известностью «по мелодическому стиху в её собственных произведениях и переводах»⁶.

В главе «Изящная литература в прозе. Журналистика» Зеленецкий, говоря об исторических романах, обстоятельно рассуждает о Загоскине и Лажечникове и упоминает также О. П. Шишкину, не называя её произведений⁷. В ряду сочинителей романов и повестей отмечает Дурову, Ган, Жукову в одном ряду с Башуцким (роман «Мещанин»), Филимоновым («Непостижимая»), Достоевским, Герценом, Гончаровым, Тургеневым, Бутковым, Панаевым, Каменским.

¹ Аскоченский В. И. Краткое начертание истории русской литературы. Киев, 1846. 162 с. С. 51.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 122.

⁴ Зеленецкий К. П. История русской литературы для учащихся. Одесса, 1849. 236 с. С. 212.

⁵ Там же. С. 213–214.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ Там же. С. 218.

При этом, как и Греч, и Пенинский, Зеленецкий не говорит о писательницах как об отдельном, самостоятельном явлении, рассматривая их в общем литературном контексте.

Примечателен учебник Зеленецкого «Теория словесности. Курс гимназический» (1851)¹, написанный по заказу Министерства народного просвещения, т. е. выражавший «официальную» точку зрения. В нём, в соответствии со списком авторов, рекомендованных в уже упоминавшемся нормативном документе – «Конспекте русского языка и словесности...», – русский писательниц нет. Однако в отношении зарубежной литературы Зеленецкий от этих ограничений отступает. Так, в статье о современной английской литературе говорит о романах А. Радклиф как продолжательницы традиций Г. Уолпола, отмечая, что её «сочинения в своё время читались с удовольствием и возбуждали участие во всей Европе»². При этом немедленно продолжает: «во второй половине XVIII столетия романы упали в Англии: писали по большей части женщины, из которых особенно известна Мисс Эджворт»³. В главе «Современная французская поэзия» пишет: «Возрождение литературы после 1792 г. совершалось медленно. Эпоха империи хотя также не была благоприятна для развития поэзии; однако и в то время во Франции явились два замечательные лица: Шатобриан и г-жа Сталь»; и далее: «Сочинение г-жи Сталь «О Германии» имело весьма важные следствия. С одушевлением говорила она в этой книге о Германии, о её образованности, правах, преданиях, и превозносила её поэтов, философов, учёность. Сочинение это с восторгом было читано в Европе и открыло новый мир народно-германского искусства⁴, поэзии лёгкой и одушевлённой. В сочинениях Шатобриана и Г-жи

Сталь воссияла светлая заря для литературы французской»⁵.

Настоящим апологетом женского творчества выступает Н. Д. Мизко в книге «Столетие русской словесности» (1849). В довольно выспренних выражениях он пытается сформулировать специфику женской поэзии: «Муза этой поэзии самая прекрасная муза, и вполне достойна этого благородного титула, которое подчас так недостойно присваивается мужскою поэзию... Но, что ещё важнее для нас, муза эта раскрывает пред нами мир для нас столько любопытный, сколько заветный – мир внутренний души женщины, поэзию светлой мысли – но мысли не ума, а сердца... <...> Но женщина не может сосредоточиться в самой себе: женщина существо двойственное, в котором взаимно гармонируют два элемента, по-видимому, противоположные – мир внутренний и мир внешний...»⁶ Из поэтов отмечает З. А. Волконскую, Н. С. Терюхину (урожд. Теплову), А. А. Фукс, К. К. Павлову, Е. Н. Шахову, Е. Б. Кульман, отдавая безусловное первенство Е. П. Ростопчиной, поскольку она сочетает в своих стихотворениях «богатство собственной поэтической души» и «жизнь общественную»⁷.

В том же слащаво-восторженном ключе Мизко рассуждает о женском творчестве в целом: «Вникните в особенные свойства женской словесности... Какая тесная связь этого языка с самой идеей, им выражаемой, которая в глубине души облекается уже в эту особенную форму, оттого и проникает в душу!.. И опять, каким неподдельным, тихим, но не менее того сильным, одушевлением проникнуты эти произведения! Это одушевление есть тайна искусства: но где же источник этого одушевления более чистый, более искренний, как не душа женщины?.. Прибавьте ещё, что и сантиментальность мужская, которая нередко лишь усилие казаться чувствительными, должна уступить чув-

¹ Зеленецкий К. П. Теория словесности. Курс гимназический. СПб., 1851. 260 с.

² Мизко Н. Д. Столетие русской словесности. Одесса, 1849. 343 с. С. 246.

³ Там же. С. 246.

⁴ Там же. С. 259.

⁵ Там же. С. 260.

⁶ Там же. С. 305.

⁷ Там же. С. 305.

ствительности женской – чувствительности по преимуществу, потому что она идёт от сердца... Да и самый вкус мужской, как бы он ни был теоретически или практически совершенен, не сравнится с этой инстинктивной способностью женщин к изящному, посредством которой они быстро открывают изящество и вместе с тем превращают в изящное все вокруг себя... Наконец, это преимущественная принадлежность женщин, которую называют грацией, не есть ли неотъемлемая собственность их одних, и притом та мощная сила, которой они покоряют всё, что не может устоять против этой силы?... А кто столько смел, что может хвастаться этим, да и кто откажется от этой покорности?...»¹

Среди писательниц Мизко выделяет Жукову, Ган, Дурову, Ростопчину; отдельно отмечая переводы, прежде всего с французского, упоминает Ситникову, Зражевскую, Ишимову.

Заключение

Пособия Аскоченского, Зеленецкого, Мизко вызвали в основном негативную реакцию как современников, так и исследователей более позднего времени, прежде всего поверхностностью суждений и бессистемностью². Тем не менее, нельзя не отметить, что они стали первыми пособиями по истории русской словесности, включившими в себя произведения писательниц.

Анализ приведённых выше учебников и пособий по истории русской словесности 1820–1850 гг. показывает, что намечаются два подхода к восприятию творчества писательниц: рассмотрение его как некоего самостоятельного явления, заслуживающего определённого снисхождения и поощрения (Галахов, Мизко); восприятие его как неотъемлемой части литературного процесса (Греч, Пенинский, Аскоченский, Зеленецкий).

Статья поступила в редакцию 13.03.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пуряева Н. Н. Писательницы в «Словаре русских светских писателей» Митрополита Евгения (Болховитинова) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2016. №4. С. 131–144.
2. Пуряева Н. Н. Писательницы в первом словаре русских писателей Н. И. Новикова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. №3. С. 107–117.
3. Скафтымов А. П. Преподавание литературы в дореволюционной школе (Сороковые и шестидесятые годы) // Учёные записки Саратовского гос. пед. ин-та. 1938. Вып. 3. С. 119–232.
4. Шнайдер Н. Женщина-писательница в словарях XVIII–XIX вв.: краткое изыскание // Родная словесность в современном культурном и образовательном пространстве: сборник научных трудов. Тверь, 2017. С. 19–23.
5. Kelly Catriona. A history of Russian women's writing, 1820–1992. Oxford: Clarendon press, 1998. XII. 497 p.
6. Women writers in Russian literature / Ed. by Toby W. Clyman & Diana Greene. Westport (Conn.); London: Praeger, 1994. XVII. 273 p.

¹ Там же. С. 334–335.

² Резкий отзыв В. Майкова: «Особенность “Краткого Начертания” заключается в том, что оно как будто забавляется над читателями: обещает им начертать вкратце историю русской литературы, и вместо того начертывает что-то такое, что походит совсем не на историю русской литературы, а на “Руководство” – г. Плаксина; обещает показать им развитие внутренней жизни русского народа, а показывает какой-то калейдоскоп, потому что факты, им изложенные, вы можете переставлять как вам угодно» (Отечественные записки. 1846, т. 48, с. 23).

Резкий отзыв С. П. Шевырёва о книге Мизко см.: Москвитянин, 1851, №5, с. 526–528.

Скафтымов признаёт, что учебники Аскоченского и Зеленецкого «pretендуют на некоторую теоретическую самостоятельность, но, в сущности, ничего нового не дают» [3, с. 139]; «Книжка Мизко безграмотна столь же, если не больше, как и другие подобные» [3, с. 142].

REFERENCES

1. Puryaeva N. N. *Pisatel'nitsy v «Slovarе russkikh svetskikh pisateley» Mitropolita Yevgeniya (Bolkhovitina)* [Female writers in the “Dictionary of Russian secular writers” by Metropolitan Evgeny (Bolkhovitinov)]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow University Herald. Series 9: Philology], 2016, no. 4, pp. 131–144.
2. Puryaeva N. N. [Female writers in the first dictionary of Russian writers by N. I. Novikov]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2016, no. 3, pp. 107–117.
3. Skaftymov A. P. *Prepodavaniye literatury v dorevolutsionnoy shkole (Sorokovyye i shestidesyatyye gody)* [The teaching of literature in pre-revolutionary school (Fortieth and sixtieth years)]. In: *Uchenye zapiski Saratovskogo gos. ped. in-ta* [Proceedings of Saratov State Pedagogical Institute], 1938, Issue 3, pp. 119–232.
4. Shnaider N. *Zhenshchina-pisatel'nitsa v slovaryakh XVIII–XIX vv.: kratkoe izyskanie* [Woman writer in the dictionaries of the XVIII–XIX centuries: a brief search]. In: *Rodnaya slovesnost' v sovremennoy kul'turnom i obrazovatel'nom prostranstve: sbornik nauchnykh trudov* [Native literature in the modern cultural and educational space: collection of scientific papers]. Tver, 2017, pp. 19–23.
5. Kelly Catriona. *A history of Russian women's writing, 1820–1992*. Oxford: Clarendon press, 1998. XII. 497 p.
6. *Women writers in Russian literature* / Ed. by Toby W. Clyman & Diana Greene. Westport (Conn.); London: Praeger, 1994. XVII. 273 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пурыева Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: nadia_np@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda N. Puryaeva – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Russian Language for foreign students of the faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: nadia_np@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пурыева Н. Н. Творчество писательниц в оценке авторов учебных изданий по русской словесности 1820–1850 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №3. С. 101–110.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-101-110

FOR CITATION

Puryaeva N. N. Russian female writers in the assessment of authors of textbooks in Russian literature (1820–1850). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 3, pp. 101–110.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-101-110